

Литературное творчество Николая Конача из Годишкова

Настоящая книга посвящена Николаю Коначу из Годишкова, выдающемуся чешскому книгопечатнику и писателю первой половины XVI века. Историки литературы не занимались до сих пор изучением литературного наследия Конача более основательно. Нет еще и нового критического издания его произведений. Автор показывает это в первой главе в обзоре существующих до сих пор исследований о Коначе.

Во второй главе автором освещается культурная обстановка до выступления Конача. Автор показывает, как культура Возрождения за рубежом Италии в некоторых странах Европы развивается в результате роста буржуазных элементов внутри феодальной системы. В Чехии новая культурная обстановка становится преобладающей собственно говоря лишь в XVI веке, хотя ростки гуманизма появляются еще в догуситский период. Проблематику чешской литературы эпохи Возрождения автор рассматривает с точки зрения общественной функции литературы, прежде всего ее обмирщения и демократизации. Он приходит к другим выводам чем старшие историки литературы, которые делили чешский гуманизм на две сравнительно остро друг от друга отличающиеся группы, принципом для деления которых служил язык. Литературу, написанную на чешском языке, нужно, однако, по мнению автора настоящей работы изучать в тематическом разрезе, иными словами, в чешском национальном гуманизме нужно искать и оценить произведения с тематикой, которая была наиболее близка пониманию широких народных масс. К созданию такой литературы сознательно стремился Николай Конач из Годишкова.

Содержанием третьей главы является анализ переводов Конача двух псалменных парафраз. Перевод парафраз Петрарки на семь псалмов покаяния является первым до сих пор известным печатным изданием Конача (1507). По своему идейному содержанию и художественной обработке это сочинение принадлежит к письменности Возрождения. Автор доказывает это путем сравнения с тематически совпадающим произведением — с парафразой Савонаролы псалма покаяния IV (50), которую Конач перевел в 1514 г. Переводом из Петрарки Конач обогатил чешскую литературу произведением, отличающимся высокой художественностью и гармонией. Ни один из современников Конача не решился перевести произведение, предъявляющее столь большие требования к переводчику, написанное языком, отличающимся высокой гуманистической культурой и богатой выразительностью и обилием нюансов.

Четвертая глава посвящена диалогам, которые Конач перевел или написал самостоятельно. К 1507 г. относится перевод псевдолукианского диалога Харона с Палинуром и диалога Терпсия с Плутом Лукиана. В предисловии к первому диалогу Конач выражает свои национально-гуманистические взгляды. Часть предисловия была включена позднее в предисловие к Хронике . . . о Дионидесе с 1592 г. и с 1603 г. — В 1509 г. Конач перевел в эпоху Возрождения очень популярный диалог Лукиана между Александром, Ганнибалом и Сципионом о том, кто был в истории самым знаменитым полководцем. Тра-

дилию переводов Конача из Лукиана продолжают писатели чешского национального Возрождения. Форму лукианского диалога использовал Конач в двух относительно оригинальных диалогах с 1511 г. и 1515 г. о современной религиозной проблематике. Этой проблематике касается также диалог между утраквистом и чешским братом, переведенный Коначем в 1515 г. из произведения Яна Станислаида. Эти сочинения откликаются на общественную ситуацию, которая была отражением политической обстановки в царствование слабого Владислава Ягеллонского. От вышеупомянутых произведений идейно и формально отличается перевод Конача нравоучительного диалога Филиппа Бераольда старшего с 1527 г. Предисловием к этому типически гуманистическому диалогу Конач ответил на актуальные запросы своего времени и высказал свой взгляд на некоторые современные нравственные проблемы.

В пятой главе автор анализирует сюжеты Бокаччо у Конача. Из новелл, первоначально включенных в „Декамерон“ Бокаччо, Конач перевел и издал три: в 1507 г. — первую новеллу четвертого дня, в 1509 г. — первую новеллу пятого дня и в 1514 г. — первую новеллу первого дня. Хроника о Гвишкарде и Сигизмунде с 1507 г. не сохранилась, но известна обработка того же сюжета с 1592 г. Автор настоящей работы приходит к заключению, что эта обработка не тождественна с обработкой Конача. В пользу своих выводов автор приводит следующие аргументы: язык произведения; факт, что вариант 1592 года написан прозой, в то время как вариант 1507 года был по всей вероятности (как и текст Филиппа Бераольда старшего *De duobus amantibus*, которым пользовался Конач для своей обработки) написан стихами. Из произведений Бераольда переведена также Хроника о Цимоне. Сличение перевода с оригиналом показывает, что Конач переводил дословно. Для новеллы эпохи Возрождения характерно, что она ставит любовь выше условной морали. Конач сознавал, что у людей консервативных рассказ может вызвать „нравственное возмущение“, и поэтому он свой перевод сопровождает статьей, в которой теоретически обосновывает пользу переводов литературных произведений с тематикой ренессанса. Несмотря на то, что статья не самостоятельна — она взята из произведений Бераольда — все же Конач ею теоретически обосновал значение светской литературы эпохи Возрождения. Новелла о Серциапеллете является призывом к борьбе против почитания святых. Автор выявляет субъективную цель Конача, которая могла расхожиться с объективным значением произведения. Автор доказывает, что Конач перевел новеллу с немецкого, а именно, с текста гуманиста Арига (Шлюссельфельдра). В связи с переводом упомянутых трех новелл автор сравнивает технику перевода Конача с техникой Гинека из Подебрад, который около 1490 года перевел 11 новелл из Декамерона. Эти переводы, однако, остались в рукописи. В выборе Коначем рассказов Бокаччо для перевода отражается закономерность развития чешской светской литературы эпохи Возрождения. Заслуга Конача состоит в том, что продуманным выбором произведений для перевода и реализацией своего замысла, он познакомил чехов с Бокаччо, как открывателем очень тонких взаимоотношений между людьми и удивительных особенностей человеческой психики. Переводы Конача текстов Бокаччо являются первыми печатными психологическими новеллами в чешской литературе.

В шестой главе речь идет о переводах Конача произведений Энея Сильвия Пикколомини. Значительным является прежде всего перевод Чешской хроники с 1510 г. Введение и послесловие Конача, также как и корректуры текста, свидетельствуют о компромиссном отношении к чешской истории, характерном для утраквиста; Конач стремился притупить антигуситскую (в его понимании античешскую) направленность произведения. В особой главе Конач кратко занимается последним 50-летием чешской истории. Язык этой части более культивирован чем язык предыдущих глав, в которых Конач позволил ограничивать себя языком подлинника. В 1516 г. Конач перевел Сон и Счастье. Это типическое произведение гуманистической эпистографии. В послесловии Конача можно в намеке

на упадок Праги искать отражение беспокойного времени, предшествовавшего времени Святоячеславского договора.

В седьмой главе автор изучает, как в творчестве Конача проявился немецкий гуманизм. Он прослеживает это влияние в прокламации о съезде четырех государей в Вене в 1515 г., переведенной Коначем в том же году из творчества венского гуманиста Куспиниана.

В восьмой главе дается анализ двух произведений с сюжетами из жизни животных. Это Зеркало мудрости святого Црги (1516 г.) и Правило человеческой жизни (1528 г.). Во втором произведении Конач ввел в чешскую литературу т. н. басни Пильпаи. Несмотря на то, что эти басни возникли в Индии и подверглись влиянию нескольких национальных культур, все же в их направленности чешский читатель мог найти ответ на социальные и моральные проблемы страны. Язык Правила гораздо культивированнее чем язык прежних переводов Конача.

В девятой главе автор пишет о библейской пьесе Юдифь, написанной в подражание пьесе Иоахима Греффа и напечатанной после смерти Конача в 1547 г. Стих пьесы Конача заслуживает внимания в отношении метрики: вместо восьмисложного стиха подлинника Конач употребляет большей частью одиннадцатисложный стих. Свообразным проявлением является вводное посвящение Конача, которое является защитой письменности на чешском языке. Оно дает одновременно представление об отношении Конача к польской литературе. Пьеса Юдифь стоит у колыбели развития чешской библейской драмы. — В подражание первой главе третьей книги произведения Бокаччо *De casibus virorum illustrium* Конач написал „Пьесу с хорошими историями“ (1547 г.). Обработка сюжета не является драматизацией в собственном смысле слова, а только переводом фавулы в форму диалога. В некоторых местах Конач стремился достичь большего драматизма действия несколькими пристройками к сюжету. В них его стихи обладают большей художественностью чем там, где он верно придерживался подлинника. Симпатии Конача к олицетворенной Бедноте (и следовательно также к бедным) свидетельствуют о том, что мещанская литература эпохи Возрождения не могла не видеть социальной проблематики народных масс. В своей работе Конач оставил нормы, обязательные до сих пор в чешской письменности для отдельных литературных видов, и его творчество стало началом нового этапа развития чешской светской драмы, этапом, который прямо не связан с средневековой драмой.

Десятая глава содержит анализ лучшей аллегории Конача — Книги о сетованиях и жалобах Справедливости (1547 г.). Литературные историки считали до сих пор это произведение оригинальным. Автор настоящей книги доказывает, что первоисточником послужило Коначу *Speculum vite humane* испанца Родерика Санхеца де Арвало. Конач не использовал, однако, подлинник механически; он стремился выбрать из этого обладающего воинствующей нравственностью поучения о условиях то, что ему помогало действительно критиковать несправедливости современной чешской общественной жизни.

В последней главе автор занимается остальными печатными произведениями Конача. Наиболее важными из них являются два печатных издания (с 1520 г. и с 1522 г.) из гуситского периода и три печатных издания, относящиеся к войнам против турок. Остальные печатные издания Конача имеют с точки зрения истории литературы лишь второстепенное значение, хотя и они дорисовывают облик Конача — книгопечатника и издателя.

Заключительная часть книги содержит отчасти оценку литературной деятельности Конача, отчасти хронологический обзор всего творчества Конача.

М. К.